

Глава 20. Пари

Ночную тишину в резиденции генерала нарушил низкий, гневный крик.

Обитатели поместья повскакивали с постелей. Шпионы, внедрённые в резиденцию, немедленно бросились к источнику шума. Личная охрана генерала прибыла так быстро, что едва не обнажила оружие.

Се Яньчжоу появился последним.

Попугай, стоя под навесом, защищавшим от дождя, выпятил грудь. Его чёрные глаза-бусинки смотрели на генерала с явным презрением за опоздание.

Из всех собравшихся Братец Стронг прилетел первым.

Се Яньчжоу промолчал.

Эта птица казалась чересчур умной. Возможно, дело было в тех лекарствах, которыми её потчевали.

Настоящий убийца не стал бы так кричать. Тао Вэнь и Тао Юн, дежурившие снаружи, не допустили бы оплошности. Когда генерал, отложив дела, вышел во двор, все, кроме птицы — слуги, охранники и прочие, — почтительно расступились, освобождая ему дорогу.

Взгляду открылась вся сцена.

Се Яньчжоу едва заметно моргнул.

Перед ним, по разные стороны арочного проёма, стояли двое. Один источал мрачную ауру, другой — утреннюю злость.

Дождь усиливался, скрывая лунный свет. В полумраке казалось, будто в поместье явились два мстительных духа.

Управляющий с фонарём в руке немедленно доложил Се Яньчжоу:

— Это не призраки.

— ...

Управляющий счёл это донесение крайне важным.

Зонт в руках Жун Цзюаня был наклонён. Даже ручка у него была красной. Отблески этого цвета в дождевых каплях делали юношу похожим на прекрасного демона из старинных сказаний.

Гу Вэнь же напоминал призрака учёного, исполненного обиды и готового потребовать у этого демона свою жизнь.

Взгляд Се Яньчжоу скользнул по фигурам и остановился на лице Жун Цзюаня.

Ему вдруг стало любопытно, каким образом тому удалось так разозлить собеседника.

Согласно данным Управления по надзору, Гу Вэнь был из простой семьи. Впервые прибыв в столицу, он не раз сталкивался с интригами и пренебрежением, но всегда сохранял дружелюбное выражение лица. Даже когда его, словно вещь, похитили и привезли сюда, он в тот же день успокоился.

Сейчас же Гу Вэнь не улыбался. Его лицо было холодным и влажным, как этот дождливый день. Наконец он заговорил:

— Истории в этих книгах...

Жун Цзюань, услышав слова, которые тот, казалось, выдавливал сквозь зубы, тихо спросил:

— Разве они плохи?

«Плохи или нет, ты и сам прекрасно знаешь!» — пронеслось в голове Гу Вэня.

Слуги, включая управляющего, молча бросали на него сочувствующие взгляды.

Скорость переписки у слуг была ограничена. Управляющему и остальным пришлось помогать. Шпионы из дворца и от врагов канцлера были особенно усердны. Большинство из них не интересовались детективными историями, но вот «Стреляющий в орла» с его боевыми искусствами и «Троецарствие» с обилием полководцев читали с упоением.

Поначалу они делали это ради задания, но потом увлеклись сюжетом и наперебой бросились переписывать.

А затем их ждал удар под дых!

Герои получали ранения, умирали от болезней, гибли в битвах... Читать об этом было тяжело, а им приходилось ещё и переписывать всё слово в слово.

В такой работе нельзя было допускать ошибок. Иногда, в порыве гнева, кто-нибудь ошибался в иероглифе, и приходилось начинать всё сначала.

Управляющий, переписывавший сцену, где Ян Го лишается руки, переделывал её трижды. У него болело сердце от злости. Но когда он дошёл до описания того, как семья Го Цзина защищает Сяньян, его охватило восхищение их отвагой. В итоге он не спал всю ночь.

И теперь, когда Гу Вэнь заговорил об этом, все мучительные сцены невольно всплыли в памяти окружающих.

Они прекрасно понимали его обиду!

Они сопереживали ему всем сердцем!

И в тот момент, когда все мысленно были на стороне Гу Вэня, ровный голос ответил на вопрос Жун Цзюаня:

— Очень хороши.

Это был Се Яньчжоу.

Его тон оставался бесстрастным — простая констатация факта.

Во дворе внезапно воцарилась тишина. Казалось, даже стук дождевых капель прекратился.

Гу Вэнь, словно услышав нечто невероятное, медленно повернул голову. Он убедился, что на лице генерала нет и тени притворства.

Даже Жун Цзюань стряхнул с себя остатки сна.

Он не удивился, что Се Яньчжоу знал о содержании книг. Слуги, переписывая их, не особо скрывались, иногда у них даже руки были в чернилах.

Удивило его то, что Се Яньчжоу смог спокойно прочитать эти истории и искренне счесть их достойными.

На самом деле генерал был очень занят и успел прочесть лишь два рассказа.

Находясь в чужом доме и только что услышав этот странный ответ, Гу Вэнь долго молчал и наконец успокоился.

Спустя мгновение он, помрачнев, снова посмотрел на Жун Цзюаня:

— Нам нужно поговорить.

Жун Цзюаню было лень с ним разговаривать, он хотел спать! Он не врезал ему зонтом по голове лишь потому, что разъярённый вид оппонента соответствовал его первоначальному замыслу.

— Поговоришь с ним завтра в полдень, — раздался рядом голос Се Яньчжоу. — Я попрошу господина Куна из Министерства ритуалов дать тебе ещё пару дней отпуска.

Отпуск?

Взгляд Жун Цзюаня тут же потеплел. В последнее время получить больничный лист в Императорской медицинской академии становилось всё труднее.

Вот это подход к делу!

Кивнув, он не забыл бросить на Гу Вэня предостерегающий взгляд.

Гу Вэнь не понимал, почему Се Яньчжоу назначил разговор на полдень.

Тринадцать часов спустя он понял. К этому времени Жун Цзюань только-только соизволил проснуться.

После умывания молодой господин не спешил переходить к делу и, как обычно, неторопливо завтракал. К слову, он уже несколько дней не ел вместе с Се Яньчжоу, тот в последнее время был очень занят.

Чем именно — неизвестно. Хотелось верить, что строил козни Правому канцлеру.

— Я сделал всё, что мог, — вдруг покачал головой Жун Цзюань.

Прошлой ночью он хорошенько подумал и догадался, что Се Яньчжоу, вероятно, не дочитал все истории до конца. Сегодня утром он хотел предупредить его не читать финалы, но генерал был на совещании.

Уходя, юноша краем уха услышал что-то о командующем императорской гвардией.

Его это не интересовало. Позавтракав, он неспешно отправился к Гу Вэню.

По сравнению с Се Яньчжоу, погрязшим в государственных и военных делах, у Гу Вэня было неприлично много свободного времени.

Когда Жун Цзюань пришёл, тот перечитывал детективный роман. Было видно, что ему неприятно, но он упорно продолжал, словно пытаясь то ли привыкнуть к стилю автора, то ли наказать себя.

Услышав шаркающие шаги, собеседник отвёл взгляд, но книгу не отложил.

Жун Цзюань сел за каменный стол напротив.

Чай источал тонкий аромат. Небольшой канал, огибавший двор, приносил в летний зной прохладу. Несмотря на затаённое в душе пренебрежение, после нескольких дней «просушки» Гу Вэнь на этот раз не стал важничать и вежливо начал разговор.

Сначала он извинился за инцидент на ипподроме.

— Я действительно не знал о том, что произойдёт, лишь немного подлил масла в огонь после случившегося.

Жун Цзюань небрежно кивнул.

Убийство сына отцом — дело постыдное, а Гу Вэнь был слишком хитёр. Вероятность того, что дешёвый папаша заранее посвятил его в такие тайны, была крайне мала.

Извинения были лишь формальностью. Жун Цзюань постучал по столу тонкими, длинными пальцами, намекая переходить к сути.

Гу Вэнь понял намёк:

— Что касается моего будущего, не хотите ли заключить со мной пари?

Внимательно наблюдая за выражением его лица, пленник с дружелюбной улыбкой сказал:

— Если вы выиграете, я готов сменить хозяина. В противном случае вы должны отпустить меня.

Жун Цзюань никак не отреагировал.

Он оставил Гу Вэня не для себя. Управление по надзору рано или поздно заставит его подчиниться и использует как клинок против Правого канцлера.

Ведь свои знают, куда бить больнее. Ученик, предавший учителя, — это будет забавно.

Держать рядом ядовитую змею и постоянно быть начеку — та ещё морока.

Но он не спешил с ответом. Раз Гу Вэнь осмелился на такое предложение, значит, он был уверен, что сможет развеять опасения.

После короткой паузы тот добавил:

— Будучи советником, я нажил немало врагов, поэтому всегда прятал мать и сестру в безопасном месте.

Ветерок тронул поверхность чая. Жун Цзюань замер, поднося чашку к губам. Гу Вэнь же сохранял всё ту же любезную улыбку.

Он спокойно отдал свой главный козырь:

— Если я буду служить вам, то готов перевезти их сюда.

Юноша с усмешкой посмотрел на него, но никак не прокомментировал это.

— На что спорим?

Он сделал паузу, но в его глазах не было и тени веселья.

— Если это связано со спортом, я тебя убью.

— У меня есть старший ученик, — серьёзно сказал Гу Вэнь, — человек с талантом, способным управлять миром. Именно он когда-то порекомендовал меня канцлеру. Если вы сможете убедить его стать вашим советником, вы выиграли.

Понимая, что это требование почти невыполнимо, Гу Вэнь добавил, что его старший ученик — человек слова, и с его помощью в будущем можно будет не беспокоиться ни о каких делах.

Бесплатный нейроинтерфейс?

Гу Вэнь хорошо его раскусил. Жун Цзюань, вечно ищущий способы уклониться от работы, заинтересовался.

— Если он человек слова, как он может предать своего господина?

— Мой старший ученик лишь искал временное пристанище и не собирался по-настоящему служить, иначе он не стал бы рекомендовать меня, — ответил Гу Вэнь. — И ещё, до тех пор, пока вы не добьётесь успеха, вы должны каждые три дня предоставлять мне по одной книге.

Сделав круг, он вернулся к книгам. Вот, значит, в чём была его истинная цель.

Жун Цзюань усмехнулся. Этот человек и впрямь был неисправимым книголюбом.

Он понял, что вчера стал свидетелем его срыва, и просто так книг ему не видать.

— Почему не каждый день? — спросил он этого крайнего эгоиста.

— Боюсь умереть от злости.

— ...

После короткого разговора Жун Цзюань покинул двор, где держали Гу Вэня.

Пустым словам верить нельзя, всё нужно было проверить.

Се Яньчжоу сегодня был неуловим. В кабинете его тоже не было, неизвестно, куда он ушёл.

Зато управляющий, увидев ищущего генерала юношу, подошёл сам:

— Генерал перед уходом велел передать, что по всем вопросам вы можете обращаться ко мне.

— Включая запрос в Управление по надзору на проверку данных Гу Вэня?

— Если это не связано с убийством или грабежом, — неуверенно уточнил управляющий.

Жун Цзюань пристально на него посмотрел.

Управление по надзору работало с поразительной эффективностью. Через управляющего юноша быстро получил всё, что хотел.

Информация оказалась подробнее, чем он ожидал. Потомки сосланных редко жили хорошо, и Гу Вэнь не был исключением.

В досье говорилось, что в детстве его бросил отец, и он рос с матерью и сестрой. В юности, чтобы оплатить лечение сестры, он продал себя в рабство и много лет проработал в богатом доме. О нынешнем местонахождении его семьи в документе не упоминалось.

[Не понимаю, — сонно просигналила Система. — Если он так дорожит семьёй, зачем ставить их на кон?]

Жун Цзюаню было всё равно, о чём думает Гу Вэнь. Главное, чтобы был полезен.

Вместе с досье пришло письмо, нацарапанное рукой Бу Саня. В нём было всего несколько строк:

[То, что Гу Вэнь сам предложил условия, удивило даже инспектора. Он слышал, что ты подцепил его на крючок с помощью книг, и уже велел сделать для него копию.]

Жун Цзюань промолчал.

[Старшего товарища Гу Вэня зовут Сун Минчжи. Человек он гордый. Управление по надзору пыталось его завербовать, но он отказался. Позже он поступил на службу в резиденцию канцлера и стал советником Жун Хэнсуя.]

Гу Вэнь стал советником после долгих раздумий. Сун Минчжи был совсем другим. Он относился к резиденции канцлера как к гостинице и, не желая утруждать себя, выбрал в покровители ещё не начавшего карьеру Жун Хэнсуя.

Но одного того, что он порекомендовал Гу Вэня Правому канцлеру, было достаточно, чтобы его кормили и поили.

Проще говоря, он был посредником на древнем рынке талантов, получавшим свои дивиденды.

[Кстати, Его Величество так и не повысил тебя в должности?]

Этот собачий император был трусом, а не сумасшедшим. Повышать в должности того, кто похитил человека из резиденции канцлера... Жун Цзюань усмехнулся:

— Эй, кто-нибудь!

При виде этих слов он не выдержал и велел принести ивовые ветви, чтобы окропить двор и изгнать нечистую силу.

Письмо он тоже сжёг. Убедившись, что слова о должности обратились в прах, юноша перетащил кресло-качалку под дерево и съел пару пирожных, чтобы успокоиться.

Эта тема задела его за живое и послужила напоминанием.

Хоу Шэнь во время своего визита упоминал, что после небесного знамения императора мучают кошмары, и тот подумывает о восхождении на гору для жертвоприношения.

Если это утвердят, Министерство ритуалов будет завалено работой. Всех чиновников заставят явиться на службу.

Обычно он мог заглядывать туда раз в три-пять дней, изображать из себя талисман, разводить цветы и выгуливать птиц. Но делать то же самое во время подготовки к такому важному событию было бы невозможно.

Лень и создание проблем для коллег — это разные вещи.

Если ему удастся заполучить в советники и Гу Вэня, и Сун Минчжи, это будет равносильно двум дополнительным процессорам, освобождающим его левое и правое полушария. А когда он передаст свою работу в министерстве на аутсорс, ему будет всё равно, кто и как на него смотрит.

«Гу Вэнь перейдёт на нашу сторону, и у отца с сыном станет одним стратегом меньше. Это ослабит их и усилит Се Яньчжоу».

По небу плыли облака. Жун Цзюань, обмахиваясь веером, с улыбкой пробормотал:

— Прекрасно, просто прекрасно.

Сделка была слишком выгодной. Оставался лишь один вопрос: как убедить Сун Минчжи служить ему?

— Ладно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сначала я с ним встречусь.

Выгода была слишком велика, чтобы не потратить на это время.

После двух пасмурных дней наступила невыносимая жара. Ехать в карете было невозможно, в паланкине — душно. Уж лучше было пройти пешком под навесами крыш.

Дождавшись, когда зной немного спадёт, Жун Цзюань, надев шляпу с вуалью, вышел из дома.

В эту эпоху мужчины редко носили такие шляпы. Чтобы было не так жарко, юноша закрепил тонкую сетку по бокам полей. Под ней виднелась кожа, белая как снег. Когда ветер колыхал вуаль, он казался необычайно изящным. Проходя по улице, он приковывал к себе взгляды.

Братья Тао, как обычно, следовали за ним.

Узнав цель прогулки, Тао Юн предупредил:

— Увидев вас, они насторожатся. На этот раз похитить человека не удастся.

Жун Цзюань холодно усмехнулся. За кого они его принимают?

На улице торговцы спешили распродать товар до комендантского часа. Крики зазывал раздавались со всех сторон. Внимание Жун Цзюаня привлёк продавец холодного желе из маша. Лакомство выглядело упругим и аппетитным.

Юноша сглотнул слюну:

— Почём?

— Пять вэней за порцию, — ответил старик, уже начав готовить.

Жун Цзюань решил отплатить добром за зло и заказал порции для братьев Тао:

— Три порции.

— Будет сделано!

Глиняные горшочки можно было забрать с собой за отдельную плату. Жун Цзюаня такие мелочи не волновали. Он взял свою ёмкость и собрался есть на ходу.

— Божественное желе, пять вэней за порцию!

Бум.

Рука молодого господина дрогнула.

Удар рукоятью меча по прилавку был таким сильным, что несколько горшочков покатались и разбились. Старик вздрогнул. Ему было жаль посуду, но, увидев стражника, он задрожал и не смел вымолвить ни слова.

— В этом районе запрещено громко зазывать покупателей, по-человечески неясно?

Это не было официальным законом, просто этот район примыкал к внутреннему городу, и, чтобы не беспокоить знать, ввели такое требование.

Старика оштрафовали. Утирая слёзы рукавом, он принялся доставать медяки.

Жун Цзюань стоял в стороне и не спешил вступать в спор с внезапно появившимся человеком. Он молча доедал своё желе, наблюдая за недружелюбно настроенным стражником.

Бородач был тучным и крепким. На поясе у него висел особый жетон. Жун Цзюань припомнил, что это Хань Куй — командующий императорской гвардией. Он отвечал за порядок во время состязаний по поло в Западных садах.

Недавно на совещании у Се Яньчжоу тоже упоминали этого офицера, но Жун Цзюань ушёл раньше времени. Зря он тогда не дослушал.

Тао Юн хотел дать старику немного денег, но юноша остановил его жестом. Он, как ни в чём не бывало, пошёл дальше. Командующий императорской гвардией не стал бы без причины придирается к торговцу. Очевидно, его целью были именно они. Помочь можно и позже, а сейчас это было бы равносильно тому, чтобы подыграть противнику.

Куда бы ни шёл Жун Цзюань, Хань Куй следовал за ним.

— Господин, зачем вы идёте за мной? — остановился юноша.

Хань Куй улыбнулся, и его щёки затряслись:

— Я отвечаю за порядок в столице. Обычный патруль.

Слово «порядок» он произнёс с нажимом, явно намекая на недавнее похищение из резиденции канцлера.

«А, так это папашин пёс прибежал тявкать», — понял Жун Цзюань и продолжил путь.

Поскольку они оба были чиновниками, Хань Куй не трогал юношу напрямую, а отыгрывался на уличных торговцах. Он даже конфисковал леденцы у продавца сладостей.

[Какой идиот, — подумала Система. — Такими детскими методами заступаться за Правого канцлера.]

— Он не идиот, — тихо ответил Жун Цзюань, переключившись на приватный канал.

Во-первых, тот открыто следовал за ним, мешая делу. Во-вторых, командующий хотел таким образом испортить его репутацию. Народ сомневался в его виновности, ведь император не стал его наказывать. Но теперь из-за него страдали невинные. Если он промолчит, люди сочтут его бессердечным. Если же заступится, Хань Куй станет притеснять бедняков ещё сильнее, пользуясь полномочиями. И тогда толпа решит, что господин Жун приносит одни беды.

Спокойно доев последнюю ложку лакомства, юноша слегка размялся. Братья Тао, решив, что он собирается обнажить меч, напряглись. А ведь этот Хань Куй — опытный боец!

Велев Системе ненадолго отключиться, Жун Цзюань после разминки бросил Тао Юну кошелёк, чтобы тот позже возместил убытки пострадавшим. Затем он холодно посмотрел на офицера, который как раз штрафовал мать с дочерью за «создание помех движению».

Ему не нужна была добрая слава, но он не любил, когда её пытались уничтожить.

Жун Цзюань открыл рот и медленно протянул руку, будто наконец не выдержал и хотел что-то сказать. Хань Куй, видя, что цель достигнута, хитро прищурился.

— Пхэ, — безэмоционально произнёс юноша.

И сплюнул кровью.

Командующий замер. Больше, чем алые капли на его шее, его возмутило то, как это было сделано. Кто, чёрт возьми, плюётся кровью с таким звуком!

Прохожие тоже были в шоке. Они злились на юношу, идущего рядом с обидчиком, но в следующую секунду увидели, как он, пытаясь заступиться, не успел и слова сказать, как закашлялся кровью.

Как только Система отключилась, Жун Цзюань мгновенно ослабел. Дальше, каждый раз, когда Хань Куй придирался к кому-то, молодой господин ничего не говорил, а лишь хватался за грудь и, словно по научному методу, выплёвывал порцию крови.

Один торговец — один плевок, два торговца — два плевка.

Жун Цзюань впервые выступал в роли «распылителя». Закончив, он даже почувствовал облегчение. Яд, накопившийся от постоянных противоядий, казалось, вышел вместе с этими сгустками.

— Ты! — Хань Куй стёр с воротника грязь и грубо оттолкнул мешавшего ему человека.

Юноша, тяжело дыша, сплюнул ещё раз. Прохожие смотрели на его бледное лицо. Рядом с тучным воякой он казался хрупким, как росток фасоли.

Снова и снова он пытался заговорить, но прежде чем слова слетали с губ, горлом шла кровь. В этот момент сердца людей сжались от сочувствия.

<http://bllate.org/book/15979/1501494>